

УДК 1:27(470)
ББК 87.3(2)522-608

БУДУЩЕЕ И БЕССМЕРТИЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (ПО РОМАНУ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)

ЛИ ТЯНЬЮНЬ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Менделеевская линия, д. 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
E-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Предпринята попытка установить взаимосвязь между представлением о бессмертии и будущем человечества и религиозной верой героев Ф.М. Достоевского. Указанная проблема рассматривается на примере детального анализа взглядов главного героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова. Характеристика героя дана с точки зрения его религиозности. Отмечены особенности мировоззрения Раскольникова, заключающиеся в сочетании веры в Бога и неверия в бессмертие. Высказывается предположение о том, что источником такой необычной комбинации религиозных идей является историческая концепция И.Г. Фихте. На основе сопоставления взглядов других героев романа сделан вывод о том, что самым принципиальным моментом является их представление о бессмертии как продолжении существования личности в земной действительности. Доказывается, что эта точка зрения соответствует религиозной вере самого Достоевского.

Ключевые слова: философское мировоззрение Ф.М. Достоевского, проблема бессмертия, проблема будущего человечества, религиозная философия Ф.М. Достоевского, историческая концепция И.Г. Фихте, религиозная вера

FUTURE AND IMMORTALITY IN THE RELIGIOUS PHILOSOPHY OF F.M. DOSTOYEVSKY (FROM THE NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT”)

LI TIANYUN

St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: litianyun19920616@foxmail.com

This article attempts to establish the relationship between the concept of immortality and the future of mankind and the religious faith of the characters of F.M. Dostoevsky's works. This problem is considered with reference to the example of a detailed analysis of the views of the main character of Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" (Rodion Raskolnikov). The characterization of the hero is given in terms of his religiosity. The features of Raskolnikov's worldview are noted; they consist in a combination of faith in God and lack of faith in immortality. It is suggested that the source of such an unusual combination of religious ideas is the historical concept of I.G. Fichte. On the basis of the comparison of the views of other heroes of the novel, the article concludes that the most fundamental point is their idea of immortality as a continuation of the existence of a person in earthly reality. It demonstrates that this point of view corresponds to the religious faith of Dostoevsky himself.

Keywords: *F.M. Dostoevsky's philosophical worldview, the problem of immortality, the problem of the future of humanity, the religious philosophy of F.M. Dostoevsky, I.G. Fichte's historical conception, religious faith*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.1.137–149

Вопрос о будущем человечества является одной из самых актуальных проблем современности. Явный прогресс в научно-технической области принес человечеству чувство незащищенности, людям все труднее контролировать развитие науки и технологий, они вынуждены задаваться вопросом: наука и техника – это счастье или бедствие для нас? Хотя, как кажется, мы можем предсказать будущее с точки зрения научно понятых закономерностей истории, оно остается проблемой для современной философии. Недостаток современного подхода состоит в том, что будущее рассматривается только как проблема рационального познания, в отрыве от нравственных ценностей отдельного человека. Однако в русской философии многие известные мыслители доказывали, что проблему будущего невозможно решить вне учета разнообразия ценностей отдельных людей. Наиболее значимый пример подхода к этой проблеме с такой точки зрения дает творчество русских писателей, особенно творчество Ф.М. Достоевского. Первостепенное значение в этом контексте имеет роман «Преступление и наказание».

В романе «Преступление и наказание» писатель передает свои мысли о будущем человечества через размышления Раскольникова о смысле жизни отдельного человека. Достоевский доказывает, что решить проблему существования всего человечества можно только вместе с определением судьбы отдельной личности. Но у человека есть перспектива, сопоставимая с существованием человечества, только если он признается бессмертным; в этом смысле Достоевский связывает проблему будущего человечества с проблемой бессмертия.

Достоевский показывает, что будущее героев в значительной степени определяется их религиозными идеями. Важнейшей проблемой романа является вопрос о том, верит ли Раскольников в Бога. Поскольку Раскольников совершает убийство осознанно, это, как кажется, однозначно свидетельствует о его неверии в Бога. Однако связь поступка Раскольникова и его религиозной верой гораздо сложнее.

Обратим внимание на слова, сказанные Раскольниковым. Следовательно Порфирий Петрович задает Раскольникову три прямых вопроса: верит ли он в Новый Иерусалим; верит ли он в Бога; верит ли он в воскрешение Лазаря. Раскольников ответил на все вопросы утвердительно. Более того, в тексте указано, что Раскольников не боялся встретиться взглядом со следователем: «Верую, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия» [1, с. 201]. Это свидетельствует о его чистой совести, он действительно искренне верит в Новый Иерусалим и в Бога. Стоит отметить, что Новый Иерусалим упоминает сам Раскольников, а уже о вере в Бога его спрашивает Порфирий, и Раскольников дает утвердительный ответ. Только на вопрос о воскрешении Лазаря Раскольников отвечает уклончиво (об этом мы поговорим позднее). Во всяком случае, Рас-

кольников дал понять следователю, что его отношение к Богу предельно ясное. Можно было бы подумать, что это сказано следователю лицемерно, чтобы избежать подозрений, однако этому предположению однозначно противоречит тот факт, что Раскольников в статье, прочитанной следователем, а затем и в личной беседе с ним ясно и четко изложил свои представления о вере, взгляды на мир, что, конечно же, вызвало подозрение у Порфирия.

Очень важно отметить поведение Раскольникова. Перед тем, как впервые отправиться в полицейский участок, «он было бросился на колени молиться, но даже сам рассмеялся, – не над молитвой, а над собой»¹. Эта фраза является ключом к пониманию религиозной веры Раскольникова. По мнению героя, молитва священна и действенна, Бог существует, но сам человек несовершенен и не всегда достоин общения с Богом; став носителем греха, он теряет свою таинственную связь с Богом. Поэтому в дальнейшем Раскольников дважды просит помолиться за него, но сам не молится. Первый раз это происходит в ночь смерти Мармеладова, отца Сони, когда Раскольников отдал все свои деньги ее матери Катерине. Вслед за этим Соня послала свою сестру Поленьку догнать его, чтобы узнать имя, а Раскольников попросил Поленьку помолиться за него: «Полечка, меня зовут Родион; помолитесь когда-нибудь и обо мне: “и раба Родиона”, – больше ничего» (с. 147). Второй раз – перед тем, как добровольно сдаться. Раскольников пришел проститься с матерью и просит ее за него помолиться: «Нет, а вы станьте на колени и помолитесь за меня Богу. Ваша молитва, может, и дойдет» (с. 397). По мнению Раскольникова, мать и Поленька являются воплощением христианского духа, и, хотя, возможно, они утратили свою внутреннюю связь с Богом, он по-прежнему прислушивается к их молитвам. В целом можно сказать, что Раскольников не становится нигилистом, в нем все еще присутствует вера в Бога. Но одновременно с этим в его сознании присутствует яркое представление о будущем человечества, и именно оно приводит его к преступлению.

Раскольников делит всех людей на две категории: «обыкновенные» и «необыкновенные». Причем, чтобы реализовать будущее человечества, «необыкновенные» люди имеют право господствовать и даже убивать «обыкновенных» людей. Он так выражает суть своей теории следователю: «Первый разряд всегда – господин настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели. И те и другие имеют совершенно одинаковое право существовать» (с. 200–201). Раскольников относил себя ко второй категории – категории «необыкновенных» людей, и поэтому, чтобы приблизить благое будущее человечества, убил старуху-процентщицу. Он решает добровольно сдаться не потому, что осознал ошибку своей теории, а потому, что ошибся в оценке себя самого; он оказался «обыкновенным» человеком и, следовательно, по его же теории, не имел права уби-

¹ См.: Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 74 [1]. (Далее ссылки на это издание романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» даны в тексте в круглых скобках с указанием страниц.)

вать. Раскольников считал, что старушка-ростовщица, которую он убил, была «вошь», но после того, как он совершил преступление, он оказался еще более ничтожной «вошью». Приведя три причины, по которым считал себя «вошью», он заканчивает свое «самоосуждение» таким образом: «Потому, потому окончательно вошь, – прибавил он, скрежеща зубами, – потому что сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь, и заранее предчувствовал, что скажу себе это уже после того, как убью!» (с. 211). Этими словами Раскольников признает, что он «обыкновенный» человек и не имеет права убивать, но это вовсе не означает, что он отказывается от своей теории и признает, что и у настоящих «необыкновенных» людей также нет права убивать. Профессор факультета философии Пекинского университета Сюй Фэнлинь отмечает, что «не религиозная проповедь Сони, а ее любовь способствовала признанию в содеянном и добровольной явке Раскольникова. Но любовь изменила лишь его внешнее поведение, решив вопрос об отбывании наказания, а не вопрос о признании вины» (с. 20). Достоевский прямо пишет об этом в эпилоге романа: «В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее, что настала же наконец эта минута...» (с. 421). Но это вовсе не значит, что Раскольников отказался от своей теории. Почему у человека, который верит в Бога, возникают подобные мысли?

Следователь Порфирий – один из тех, у кого было взаимопонимание с Раскольниковым. Хотя до основных событий романа он не был близок с ним, но сразу глубоко ощутил религиозную веру Раскольникова, именно поэтому он сказал ему: «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль Бога найдет» (с. 351). Из нашего предыдущего анализа следует, что Порфирий не мог утверждать, что Раскольников не верит в Бога, но следователь приходит к выводу, что его вера ошибочна, что его Бог искажен, что у него нет истинной веры, он не нашел истинного Бога. Порфирий, конечно, был «обыкновенным» человеком, и все, что он говорил Раскольникову, он говорил на основе общепринятого православного учения, хотя и высказал это только как свою собственную точку зрения. Порфирий обращает наше внимание на то, что у Раскольникова есть свое собственное религиозное мировоззрение, отличающееся от общепринятого, и именно оно привело его к преступлению. Мы попытаемся раскрыть смысл этого мировоззрения Раскольникова.

Во-первых, Раскольников верит в Бога, но его Бог – это не богочеловек, а человекобог, не тот Бог, который становится человеком, а человек, который становится Богом. Раскольников имеет в виду, что «необыкновенные» люди в чем-то приближаются к Богу традиционного христианства: Бог традиционного христианства жертвует собой на кресте, и Раскольников видит в этом акте ту же волю, которая ведет «необыкновенных» людей к преступлению. В романе «Бесы» Кириллов говорит об этом же: «Если Бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие» [3, с. 470]. Разница между главными героями двух романов только в том, что Кириллов выбрал са-

моубийство, а Раскольников – убийство. Но после признания в содеянном мысли Раскольникова изменились. Теперь он уверен, что «необыкновенные» люди не должны быть убийцами, которые крестят землю кровью, истинные великие люди и без таких радикальных средств достигают своей цели, они такие же почитаемые, как Солнце, поскольку достигли в себе единения божьего и человеческого. Именно об этом Порфирий говорит Раскольникову: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» (с. 352). Этой фразой Порфирий возлагает на Раскольникова некую надежду на то, что он может в будущем стать Солнцем, и, на самом деле, по окончанию романа Раскольников, кажется, медленно встает на путь созидания себя новой личностью. Он делает попытку стать подлинной «высшей личностью» в понимании Достоевского. Эти истинные «высшие личности» не прибегают к насильственному господству, а оказывают влияние на окружающих с помощью какой-то таинственной духовной силы. И.И. Евлампиев в статье «“Высшие” и “низшие” типы Достоевского» по этому поводу пишет: «Трагедия Раскольникова вовсе не в том, что он хочет стать “высшей” личностью (“высшим типом”), а в том, что он находит неверный путь к этой цели» [4, с. 304]. После признания вины Раскольников, как кажется, сможет стать истинной «высшей личностью».

Во-вторых, Раскольников по-своему понимает идею Нового Иерусалима. Эта идея происходит из Откровения Иоанна Богослова, где говорится о том, что новый город сойдет с небес, когда наступит конец света, и спасенные будут жить в этом городе. В Откровении говорится: «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:2). Раскольников говорит следовательно Порфирию: «Одним словом, у меня все равносильное право имеют, и – *vive la guerre éternelle* [да здравствует вековая война (фр.)], – до Нового Иерусалима, разумеется!» (с. 201). В ответ Порфирий спрашивает, верит ли Раскольников в Новый Иерусалим, и Раскольников отвечает, что верит. Но Новый Иерусалим Раскольникова отличается от христианского Нового Иерусалима, так как в Новом Иерусалиме Раскольникова должно быть реализовано полное предназначение человечества, т. е. он задает исторический, а не сверхисторический идеал будущего человечества. На каторжных работах Раскольников получил тяжелое заболевание, во время которого он мечтал о том, чтобы вся Европа была заражена страшной болезнью, суть которой заключается в том, что все люди настаивают на личной правде и убивают друг друга за это. Но и на этом история не должна была закончиться, и Раскольников продолжал мечтать: «Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, не слыхал их слова и голоса» (с. 420). Эти люди и являются теми высшими людьми, о которых мы говорили выше, они являются воплощением самого Раскольникова и его представлений об идеале исторического развития. Они и составят Новый Иерусалим, по мнению Раскольникова.

Нетрудно обнаружить, что это очень похоже на мысль одного из представителей немецкой классической философии, а именно И.Г. Фихте, которую он изложил в труде «Основные черты современной эпохи» (1806 г.). В этой книге Фихте выделяет пять эпох всемирной истории, в которых человечество должно было сначала пребывать в непосредственном единстве, затем испытать раскол и абсолютное разделение и в конечном счете объединиться. Он писал: «Весь же путь, которым человечество проходит через этот ряд в здешнем мире, есть не что иное, как возвращение к той ступени, на которой оно стояло в самом начале; возвращение к исходному состоянию и есть цель всего процесса» [5, с. 370]. Достоевский был хорошо знаком с философией Фихте, его взглядом на историю человечества. Пятый этап мировой истории Фихте – это и есть Новый Иерусалим Достоевского. В нем весь распавшийся человеческий мир снова объединяется. Идеи, изложенные Фихте в книге «Основные черты современной эпохи», в конечном счете стали одним из главных истоков философии истории в России. Преступление Раскольникова было совершено для того, чтобы построить в рамках истории такой Новый Иерусалим. Примечательно, что после признания своего преступления он все еще настаивал на этой идее, и в этом смысле он оставался вне православного учения, помещавшего Новый Иерусалим за пределами истории и вообще земной жизни.

В-третьих, причиной преступления Раскольникова стало отсутствие в его религиозном мировоззрении жизненно важного звена – идеи бессмертия. Размышления Достоевского и его героя на эту тему восходят к одному из постулатов чистого критического разума в книге И. Канта «Критика практического разума» (1788 г.). В своей работе Кант сформулировал антиномию практического разума: в эмпирическом мире, как правило, нравственные люди не имеют счастья, счастливые люди не имеют нравственности, которая не может быть точно оправдана человеческим разумом. Чтобы разрешить эту антиномию, Кант выдвинул постулаты чистого практического разума, которые включают существование Бога и бессмертие души. Он считал, что только вера в справедливого Бога и вера в бессмертие души гарантируют, что нравственность и счастье в жизни станут единым целым, хотя бы после смерти, и только тогда у нас будет возможность стать по-настоящему добродетельными в этом мире. Кант в своей книге утверждает, что нравственность и счастье требуют бесконечного прогресса, «но этот бесконечный прогресс возможен, только если допустить продолжающееся до бесконечности существование и личность разумного существа (такое существование и называют бессмертием души)» [6, с. 455].

Эта мысль Канта была очень значимой для русской литературы и философии. Как мы уже упоминали выше, когда следователь Порфирий спросил Раскольникова, верит ли тот в Новый Иерусалим и верит ли в Бога, Раскольников ответил вполне ясно, но когда Порфирий спросил, верит ли он в воскрешение Лазаря, Раскольников начал уходить от ответа и сам спросил: «Зачем вам все это?» (с. 201). Порфирий был вынужден снова задать этот вопрос. Очевидно, что Раскольников не верит в воскрешение Лазаря и не имеет мысли о бессмертии.

Соня, как и Раскольников, вынуждена нести тяжелое бремя греха ради семьи, но она не способна совершить преступление, потому что верит в вечную жизнь. Несмотря на то, что жизнь у нее тяжелая, она верит, что после смерти сможет обрести какое-то успокоение и счастье. Соня читает Раскольникову историю о воскрешении Лазаря в Евангелии от Иоанна в надежде, что он тоже поверит в вечную жизнь, но Раскольников не принимает религию Сони. Раскольников не верит в идею вечной жизни и поэтому не может вынести переживаний о мирских страданиях – именно стремление здесь и сейчас разрешить проблему этих страданий заставляет его совершить убийство. В этом и состоял недостаток религиозного мировоззрения Раскольникова, именно отсутствие мысли о бессмертии привело к провалу его идеи о возможном благополучном будущем человечества. Невозможность поверить в идеал такого благополучного будущего человечества стала для Раскольникова трагедией его веры.

М.М. Бахтин считал романы Достоевского полифоническими произведениями, в которых каждый персонаж выражает свою неповторимую точку зрения, и совокупность этих точек зрения не складывается в единое мировоззрение и не соответствуют авторской точке зрения. Это утверждение Бахтина остается спорным, так как трудно предположить, что Достоевский, являющийся одним из величайших мыслителей России, не пытался выразить в своих произведениях собственное оригинальное мировоззрение. Но мнение Бахтина, по крайней мере, заставляет признать, что каждый персонаж в романе Достоевского имеет право на свое собственное слово. Не только у Раскольникова есть свое философское представление о будущем, но и у других персонажей романа, таких как Разумихин, Соня, ее отец Мармеладов, ее мать Катерина и Свидригайлов. Их размышления о будущем человечества также имеют глубокий философский подтекст, который важно иметь в виду.

Разумихин ближе всего к самому Достоевскому в мыслях о будущем человечества. Он отличается от Раскольникова тем, что никого не убивал, наоборот, был надежным другом и мужем. Через Разумихина Достоевский выражает некоторые из своих мыслей, близких к тем идеям Раскольникова, которые последовали за его признанием и покаянием. Разумихин критикует популярные в России идеи утопистов того времени: «У них не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится, наконец, в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути!» (с. 197). Видно, что Разумихин не отрицает социального развития и не спорит с тем, что в его время социальная система несовершенна. Но он считает, что социальное развитие должно основываться на живых исторических законах, а не на модели, разработанной математическим умом.

Соня представляет будущее человечества в соответствии с православным учением, которому она глубоко привержена. В противоположность этому идея Раскольникова связана с его особым религиозным мировоззрением, которое под-

разумеает вечную жизнь на земле. В связи с этим И.И. Евлампиев отмечал, что некоторые герои Достоевского по-особому понимают бессмертие: «Здесь нужно обратить внимание на то, что история Лазаря, хотя она и содержится в каноническом евангелии, не очень согласуется с ортодоксальной концепцией бессмертия, согласно которой после смерти человек уже не вернется в земной несовершенный мир, а будет существовать в райском мире, вне времени. Лазарь, воскресенный Иисусом Христом, снова живет в том же несовершенном земном мире, что и раньше, до своей смерти; фактически ему после воскресения предстоит прожить новую жизнь, подобную первой земной жизни» [7, с. 211]. Именно такую мысль о земной вечной жизни принял Раскольников.

У Мармеладова, отца Сони, мы также видим стремление к эсхатологическому пониманию будущего человечества. Мармеладов любит выпить и очень хорошо знает свои недостатки, но он не боится судного дня, потому что твердо верит в то, что Иисус Христос может простить ему все грехи в связи с тем, что он глубоко осознает их и раскаивается в своей греховности. «И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: “Господи! почто сих приемлещи?” И скажет: “Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...”» (с. 21). Вероятно, нужно признать, что именно так представляла будущее большая часть русского народа.

Мать Сони Катерина также высказывает свое собственное мнение о будущем. Ее мнение тесно связано с ее концепцией «правды». Российский философ Н.К. Михайловский отмечает, что слово «правда» в русском языке имеет двойное значение: с одной стороны, оно означает истину, т.е. объективную истину, с другой стороны, означает справедливость, т.е. субъективную истину: «...всякий раз, когда мне приходит в голову слово “правда”, не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке» [8, с. 84]. «Истина» в русской философии заключается не только в «действительности», но и, что более важно, в «справедливости». После оскорблений Лужина Катерина, которая оказалась на грани нервного срыва, вышла на улицу побираться вместе со своими детьми, надеясь найти на улице хоть какую-то «истину», которая больше «справедлива», чем «истинна». Кроме того, Катерина задавала многочисленные язвительные вопросы священнику в ночь, когда умер ее муж, и отказалась позвать священника к умирающему, понимая, что ее религиозное мировоззрение отличается от православной доктрины. Катерина не верит в бессмертие, не верит в то, что нравственность и счастье в мире после смерти станут одним целым, она искала «истину» на земле, но ее поиски оказались безрезультатны, что привело ее не только к трагедии веры, но и к смерти.

Знание Свидригайлова о будущем человечества также тесно связано с его мыслями о вечной жизни. Свидригайлов в своей первой встрече с Раскольниковым излагает свои мысли о привидениях, как умерших людей, продолжающих существовать в некотором «параллельном» мире, в этом смысле его взгляды также сильно отличаются от того, что было в православном учении: «Здоровому

человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» (с. 221). Бессмертие, о котором говорит Свидригайлов, означает не вечную жизнь в Царстве Небесном, а сводится к тому, что после смерти человек вступает в мистическое царство, в котором он все еще может поддерживать связь с живыми людьми. Представление об этом царстве также является очень распространенным в российской философии смерти. Знания Свидригайлова о будущем человечества берут исток от этой идеи бессмертия. По мнению Свидригайлова, люди, находящиеся в состоянии вечной жизни, будут общаться с живыми и в конечном счете придут вместе к завершению истории.

Таким образом, по Достоевскому, представление человека о будущем напрямую зависит от его веры в бессмертие. Если человек верит в бессмертие, то он имеет положительное мнение о будущем человечества и именно поэтому может терпеть временные бедствия. Если человека не верит в бессмертие, то он отрицательно оценивает и будущее человечества. В этом случае он не может терпеливо относиться к жизненным невзгодам и трагедиям и может даже убить других или совершить самоубийство, чтобы решить проблему. К этому мнению нас подводят истории всех героев романа. Попытаемся понять, как мыслит будущее сам Достоевский.

Многие русские философы цитировали письмо В.Г. Белинского к В.П. Боткину (от 1 марта 1841 г.), когда пытались понять мысли Достоевского о будущем человечества. В своем письме Белинский писал: «Если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр., и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою» [9, с. 22–23]. В своей книге «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше» Лев Шестов утверждает, что этот отрывок из письма Белинского противоречит другим его высказываниям. Белинский был революционным демократом, для него реализация правильного будущего человечества было главной идеей, забота же о судьбе каждого человека кажется противоречащей его главной идее. Н.О. Лосский цитирует этот отрывок в книге «История русской философии» и считает, что Белинский отошел от гегелизма и следования западным идеям. Однако такое понимание Белинского является ошибочным, и непонимание этого может привести к неправильному пониманию Достоевского. Белинский, будучи революционным демократом, не принимал идеи бессмертия в православном учении, для него те, кто умерли, умерли навсегда, и поэтому невозможно было принять их жертвы. Отсюда его скрытый протест против прогресса. Достоевский тоже не был православным писателем в строгом смысле этого слова, и его литературные творения не оправдывали православное учение,

но у него было свое религиозное мировоззрение и своя идея бессмертия. Для Достоевского те, кто умерли, все-таки имеют возможность продолжить жить, как Лазарь в Евангелии от Иоанна; они хоть и продолжают испытывать страдания, но не закончили своего существования, а обрели бессмертие. Поэтому Достоевский мог соглашаться с тем, что ради будущего человечества жертвы возможны. Белинский же больше напоминает персонажа романа Достоевского, который испытывает мучения из-за невозможности поверить в бессмертие.

Глава «Бунт» в романе «Братья Карамазовы», на наш взгляд, тоже часто истолковывается неправильно. Иван задал Алеше знаменитый вопрос: «Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуче предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях!?» [10, с. 223–224]. Считается, что сам Достоевский из-за беспокойства о каждом человеке не желал бы быть архитектором этого здания. Однако мы считаем, что это неправильный вывод. Достоевский верил в бессмертие и поэтому не считал, что слезы ребенка не могут быть искупленными; в результате он, конечно, мог смириться с любыми проявлениями зла в реальности. В отличие от него, у Ивана Карамазова не было мысли о вечной жизни, для него слезы ребенка не допускают искупления, поэтому он не мог смириться с фактом зла, который и привел его к «бунту» и к написанию Поэмы о Великом инквизиторе. Смысл Поэмы о Великом инквизиторе состоит именно в том, что люди, теряя веру в вечную жизнь, не могут свободно поверить в Бога и поэтому полагаются только на принудительную веру, которую им навязывает Великий инквизитор, заставляющий их идти к кресту. По мнению Достоевского, мы все еще живем в мире «Великих инквизиторов», но будущее человечества зависит от Иисуса Христа, который хочет, чтобы люди свободно склонялись к Богу.

Наиболее ясное представление о взглядах Достоевского на будущее человечества и бессмертие дает «Дневник писателя». В выпуске от октября 1876 г., в очерке под названием «Два самоубийства», говорится о самоубийстве юной дочери известного русского писателя Елизаветы Александровны Герцен. Достоевский считает, что дочь Герцена умерла от бессмысленности жизни. Сразу после этого он опубликовал маленький рассказ под названием «Приговор», содержащий мысли самоубийцы, оправдывающего свой поступок. Молодой человек рассуждает таким образом: «И наконец, если б даже предположить эту сказку об устроенном наконец-то на земле человеке на разумных и научных основаниях – возможно и поверить ей, поверить грядущему наконец-то счастью людей, – то уж одна мысль о том, что природе необходимо было, по каким-то там косным законам ее, истязать человека тысячелетия, прежде чем довести его до этого счастья, одна мысль об этом уже невыносимо возмутительна» [11, с. 147]. Молодой человек приходит к мысли, что нужно либо уничтожить мир, либо уничтожить себя, и, поскольку он не в состоянии уничтожить мир, он может только уничто-

жить себя. В итоге он приходит к необходимости покончить с собой. Нетрудно заметить, что мысли молодого человека поразительно совпадают с мыслями Белинского и Ивана Карамазова. Читатели Достоевского могут допускать, что это мнение самого писателя, что это сам Достоевский убеждает таким образом людей покончить с собой. Но это ошибочное мнение, поскольку Достоевский резко расходился во взглядах с Белинским и никогда не одобрял религиозного мировоззрения Ивана Карамазова.

В ответ на критику своего рассказа «Приговор», Достоевский опубликовал четыре очерка в декабрьском выпуске «Дневника писателя», чтобы прояснить свою позицию. В первом очерке под названием «Запоздавшее нравоучение» Достоевский откровенно признался в том, что запоздал с вразумлениями о пагубности самоубийств. Во второй статье, озаглавленной «Голословные утверждения», Достоевский пишет: «Статья моя “Приговор” касается основной и самой высшей идеи человеческого бытия – необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой. Подкладка этой исповеди погибающего “от логического самоубийства” человека – это необходимость тут же, сейчас же вывода: что без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, немыслимо и невыносимо» [12, с. 46]. Тем самым Достоевский четко выразил свое отношение к позиции Белинского и Ивана Карамазова, которые именно из-за недопущения мысли о бессмертии не могут смириться с проявлением всякого рода зла в реальности. Достоевский же в силу своего убеждения в бессмертии готов к столкновению со злом, и он не будет прибегать к убийству или самоубийству для окончательной победы над ним «здесь и сейчас». В третьем очерке, озаглавленном «Кое-что о молодежи», Достоевский утверждает, что именно потому, что русская молодежь не верит в бессмертие, она склоняется к мысли о самоубийстве. В четвертом очерке, озаглавленном «О самоубийстве и о высокомерии», Достоевский предостерегает прогрессивных деятелей от прямолинейного понимания проблемы: прогресс в социальном устройстве необязательно уменьшит число самоубийств, и только мысль о вечной жизни может действительно повлиять на сознание молодых людей. В целом размышления Достоевского о самоубийстве были направлены не на то, чтобы убедить людей не совершать самоубийство, а на то, чтобы представить людям идею вечной жизни, благодаря которой человек сможет поверить в благоприятное будущее для всех. По мнению Достоевского, человечество может достичь бессмертия именно в будущем, в истории. Для него вечная жизнь – это не вечная жизнь в Царстве Небесном, утверждаемая учением церкви, а именно земная вечная жизнь. Достоевский убеждает нас в том, что, только если мысль о бессмертии живет в сердцах людей, они способны думать о будущем человечества и строить это будущее, если же мысль о вечной жизни отсутствует в сердце человека, то он будет ощущать одиночество и безнадежность и окажется вне перспективы будущей устроенной жизни, которая только и способна придать смысл бытию отдельного индивида и всех вместе.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. Л., 1973. 423 с.
2. Сюй Фэнлинь. «Преступление и наказание» и православие // Русская литература и искусство (Китай). 2017. № 2. С. 16–23 (на китайском яз.).
3. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. Л., 1974. 520 с.
4. Евлампиев И.И. «Высшие» и «низшие» типы Достоевского (об одной важной теме «Дневника писателя») // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 30(2). СПб., 2013. С. 283–306.
5. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Фихте И.Г. Соч. В 2 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 359–617.
6. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 311–501.
7. Евлампиев И.И. Гипертекст идеи бессмертия в творчестве Ф. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 34. СПб., 2016. С. 195–216.
8. Лосский Н.О. История русской философии. М., 2011. 550 с.
9. Белинский В.Г. Письма 1841–1848 гг. // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 12. М., 1956. 596 с.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. 512 с.
11. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год (май–октябрь) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 23. Л., 1981. С. 5–162.
12. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год (ноябрь–декабрь) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 24. Л., 1982. С. 5–65.

References

1. Dostoevskiy, F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 6* [Complete collection of works in 30 vol., vol. 6]. Leningrad, 1973. 423 p. (in Russian)
2. Syuy Fenlin'. «Prestuplenie i nakazanie» i pravoslavie [«Crime and Punishment» and Orthodoxy], in *Russkaya literatura i iskusstvo (Kitay)*, 2017, no. 2, pp. 16–23. (In Chinese)
3. Dostoevskiy, F.M. Besy [Demons], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 10* [Complete collection of works in 30 vol., vol. 10]. Leningrad, 1974. 520 p. (in Russian)
4. Evlampiev, I.I. «Vysshie» i «nizshie» tipy Dostoevskogo (ob odnoy vazhnoy teme «Dnevnika pisatelya») [«Higher» and «lower» types of Dostoevsky (about one important topic of the «Diary of a Writer»)], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh* [Dostoevsky and world culture. Almanac]. Saint-Petersburg, 2013, no. 30(2), pp. 283–306. (in Russian)
5. Fikhte, I.G. Osnovnye cherty sovremennoy epokhi [The main features of the modern era], in Fikhte, I.G. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Saint-Petersburg, 1993, pp. 359–617.
6. Kant, I. Kritika prakticheskogo razuma [Criticism of practical reason], in Kant, I. *Sochineniya v 6 t., t. 4, ch. 1* [Works in 6 vol., vol. 4, part 1]. Moscow, 1965, pp. 311–501. (in Russian)
7. Evlampiev, I.I. Gipertekst idei bessmertiya v tvorchestve F. Dostoevskogo [Hypertext of the idea of immortality in the works of F. Dostoevsky], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh* [Dostoevsky and world culture. Almanac]. Saint-Petersburg, 2016, no. 34, pp. 195–216. (in Russian)
8. Losskiy, N.O. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, 2011. 550 p. (in Russian)

9. Belinskiy, V.G. Pis'ma 1841–1848 gg. [Letters 1841–1848], in Belinskiy, V.G. *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t., t. 12* [Complete collection of works in 13 vol., vol. 12]. Moscow, 1956. 596 p. (in Russian)

10. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 14* [Complete collection of works in 30 vol., vol. 14]. Leningrad, 1976. 512 p. (in Russian)

11. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya za 1876 god (may–oktyabr') [Diary of Writer. 1876 (May–October)], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 23* [Complete collection of works in 30 vol., vol. 23]. Leningrad, 1981, pp. 5–162. (in Russian)

12. Dostoevskiy, F.M. Dnevnik pisatelya za 1876 god (noyabr'–dekabr') [Diary of Writer. 1876 (November–December)], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 24* [Complete collection of works in 30 vol., vol. 24]. Leningrad, 1981, pp. 5–65. (in Russian)